

Говоря это, он увидел бегущего навстречу управляющего Цань Хуэя и тут же приказал:

— Вели людям охранять это место. Никого не впускать и не выпускать до возвращения господина премьер-министра!

Лицо Цань Хуэя побледнело, и он с пронзительными проклятиями выбежал прочь. Вскоре до снаружи донесся беспорядочный топот ног.

Только теперь Синхэ почувствовал жгучую боль между лопатками и на лбу. В обоих местах пекло так, будто туда приложили раскаленный уголь. Стоило ощутить боль, как в голове слегка помутилось. Весь он словно провалился в огромный комок ваты, казалось, он всё падает и падает, но никак не может достичь дна. Он хотел открыть глаза, но веки казались налитыми свинцом — двумя огромными оливками, — так что поднять их не было никакой возможности. Все члены постепенно тяжелели, осязание притуплялось, и вокруг ощущалось лишь какое-то тепло. Из-за этого Синхэ пребывал в растерянности, не понимая, находится ли он в объятиях мага или на собственной мягкой пуховой постели.

Всё последующее казалось Синхэ как в тумане: вокруг вечно шумело, сновали люди, однако он не слышал, чтобы кто-то обращался к нему. Ему казалось, что кто-то гладил его по лбу, и по теплу и ощущению эта ладонь походила на руку герцога, но никогда прежде он не знал от него такой нежности. Он не мог определить и время: в полумраке то ли прошло день-два, то ли он только что вернулся из кабинета в спальню. В туманной дымке ему смутно мерещился маг, который сам изучал его и допытывался: «У тебя столь мощная магия, но ты заставлял меня учить лишь родословную небесной аристократии!» Однако маг не отвечал и не уклонялся от ответа — он лишь стоял вдали, в стороне, и с улыбкой смотрел на Синхэ.

Синхэ чувствовал некоторое раздражение, однако рассудок подсказывал: это маг спас его маленькую жизнь из рук злодея! При одной этой мысли Синхэ охватывала ярость — этот ужасный слуга ни капли не уважал маркиза! В этот момент в памяти Синхэ всплывали лица двух других погибших слуг: полные ужаса, страха и растерянности! Все смертны, никому не миновать этого дня! Но никто не может угадать, когда он наступит! И каждый думает, что этот день еще бесконечно далеко!

Изнуряемый этими капризными приливами чувств, Синхэ наконец открыл глаза.

Стояла глухая ночь. Тумбочка, стол и подоконник были заставлены подсвечниками. Герцогиня сидела у изголовья постели Синхэ, ее покрасневшие глаза были сухими и воспаленными. Заметив, что Синхэ открыл глаза, она резко выдохнула, мягко склонила голову и легко коснулась губами его щеки:

— Благословение Богини. Ты наконец очнулся.

Синхэ облизал губы, желая что-то сказать, но едва разомкнул рот, как веки зашипало от жара, и он не смог вымолвить ни слова. Герцогиня сжала его руку, повернула голову и приказала стоявшей у стола служанке:

— Живо подогрей молоко опьяняющего цветка.

Синхэ шевельнулся, собираясь приподняться, но герцогиня тут же удержала его:

— Не вставай. В кинжале этого злодея был яд. Ты проспал несколько дней! Каждый день выпивал лишь каплю молока — откуда у тебя силы? Лежи смирно.

Глядя на ошеломленный взгляд Синхэ, герцогиня вздохнула — было очевидно, что ей известны все тайные тревоги сына:

— Твой отец во дворце. Ты же знаешь, он вечно занят государственными делами и не может неотлучно дежурить у твоей постели.

Уловив помрачневшего во взгляде сына, герцогиня поспешила утешить его:

— Он тоже очень переживает. Но ничего не может поделать. Он пригласил для тебя лучших лекарей.

— Ах да, нянька Шаньча тоже присылала свежие цветы, — герцогиня причмокнула губами. — Она искренне сочувствует. Но тех слуг назначал храм. Она и сама не знает, как так вышло.

Упоминание храма вызвало у герцогини крайнюю досаду: она надеялась добиться от святилища вразумительного ответа, но господин жрец отвечал на ее просьбы уклончиво, и по сей день не дал утешительных объяснений. Три тела уже начали разлагаться, а они так ничего и не смогли выяснить. Сам кинжал, правда, служил вещественным доказательством: узор и материал рукояти доказывали, что эта вещица родом из королевства Бихай, но стоило углубить поиски, как всё снова тонуло в густом тумане.

Герцогиня была принцессой королевства Бихай. Она узнала узор на рукояти — это был Тотем Духа Волка. Однако в королевстве Бихай волчий дух — самый распространенный тотем, и оружие с символикой волчьего духа носили почти в каждом роду. Это ровным счетом ничего не объясняло. Никто не ведал, кому принадлежал этот кинжал. Премьер-министр отнесся к этому с презрением, упорно доказывая, что убийцу подослал Шутун Фаньюань: «Почему убийца ждал, пока ты уйдешь? Почему он не хотел причинить тебе вред? Да потому что этот ассасин подослан твоим собственным кровным братом! Ему нужны жизни нас обоих, отца и сына!» У герцогини не нашлось ни единого возражения, да если бы и нашлось, она не осмелилась бы заикнуться. Перед лицом разъяренного герцога она вечно не смела поднять головы.

Увидев горькую улыбку герцогини, Синхэ наконец выдавил из себя хриплый голос:

— Я в порядке. Не волнуйся.

Герцогиня кивнула и через силу улыбнулась сквозь слезы:

— Не бойся. Богиня и предки защитят тебя. Ты поправишься.

Во время их разговора в комнату вошла служанка с подносом. На нем стояла пиала с молоком опьяняющего цветка и кусок очень мягкого бисквита. Подойдя ближе, она присела на корточки у изголовья, повязала Синхэ салфетку и серебряной ложечкой стала понемногу зачерпывать угощение, позволяя мальчику делать маленькие глотки.

Герцогиня с некоторым удивлением наблюдала за аккуратностью юной служанки и внимательно оглядела ее с ног до головы. Девочка была необыкновенно хороша собой, и если бы не болезненная худота, вылитая благородная девица. Герцогиня припомнила: управляющий рассказывал ей об этой девчушке по имени Хунсин, младшей дочери из семьи Чжаолу. Ее предки когда-то были рыцарями и владели собственным наделом. К несчастью, то ли прадед, то ли дед страдал пагубной страстью к азартным играм и выпивке; однажды, набравшись хмеля за игрой и проигравшись, он отказался платить долг и по неосторожности убил оруженосца из рода Фенлу или Цинлу. За это их лишили титула, а надел отозвали в пользу рода Байлу. К поколению ее отца они уже давным-давно обеднели до нищеты. Из-за оставшегося звания оруженосца они дорожили гордостью: служить знатым родам отказывались, торговать тоже не желали, так что матери с дочерью пришлось идти в служанки, день и ночь мечтая о войне, где удастся заслужить новый титул. Жаль было лишь двух дочерей в этом доме.

Заметив, что герцогиня изучает ее, Хунсин ничуть не смутилась — напротив, с улыбкой подняла голову и принялась утешать госпожу:

— Госпожа, вы уже несколько ночей не смыкали глаз. Раз маркиз пришел в себя, значит, Техника Детоксикации госпожи Цю Тун подействовала, и он непременно поправится. Не стоит так сильно тревожиться. Идите отдохните хоть немного.

Услышав слова Хунсин, Синхэ ободряюще кивнул матери. Герцогиня подалась вперед, легко поцеловала сына в щеку и тихо сказала Хунсин:

— Я вздремну ненадолго. Ты знаешь, где меня найти.

С этими словами она медленно поднялась — казалось, даже это простое движение давалось ей с невероятным, мучительным трудом. Кивнув Хунсин, она повернулась и, опустив голову, тихо вышла. Сегодня она была обута не в любимые деревянные сандалии, а в мягкие замшевые туфли, и ее шаги не издавали ни звука. Проводив взглядом ее спину, Синхэ почувствовал, как в глазах отчего-то защипало.

Молоко опьяняющего цветка было сладким на первом глотке, но оставляло горькое послевкусие. Хунсин давала ложку молока, а следом — кусочек бисквита. Воздушный и сладкий бисквит таял во рту, перебивая горечь молока. Синхэ сам не заметил, как одолел всю пиалу, хотя бисквита осталась еще добрая треть.

— Я хочу еще немного бисквита, — Синхэ никогда прежде не испытывал такого жгучего голода. — Я могу съесть его за один присест, не нужно кормить меня такими крошечными ложками. Я ведь не маленький.

Хунсин легко улыбнулась:

— Нет, господин маркиз, я не могу вас послушать.

Она убрала салфетку с его подбородка:

— Маг Цю Тун велел мне: после пробуждения вам нельзя сразу есть много. Через сутки я позволю вам съесть еще чуть-чуть.

— Ты не слушаешься моих приказаний? — Синхэ вдруг ощутил легкое раздражение. —

Повторяю еще раз, я не малыш!

Хунсин окинула его взглядом, прыснула со смеху, взяла оставшийся бисквит и, слегка покатав в ладонях, быстро слепила из него нечто отдаленно напоминающее собачку. Поднеся фигурку к лицу, она с улыбкой произнесла:

— Разве он не прелесть? У вас рука поднимется его съесть?

Синхэ вздохнул и закатил глаза:

— Говорю же тебе: я не ребенок.

Хунсин поставила съедобную собачку на тумбочку у кровати:

— Да-да. Вы не ребенок. Вы — господин маркиз.

Синхэ закрыл глаза, но в мыслях отчетливо прозвучал голос герцога: «Ты должен быть благородным Наследным князем Синхэ Чуншанем, а не этим презренным маркизом Синхэ Чуншанем».

Синхэ открыл глаза и спросил Хунсин:

— Кто тот злодей?

Хунсин честно ответила:

— Не знаю. Господин герцог и госпожа никогда не обсуждают это при нас.

Синхэ пристально посмотрел ей в глаза:

— А что говорят управляющий и остальные, о чем они догадываются?

— Понятия не имею, — на этот раз Хунсин выглядела уже не столь простодушно. — Они, конечно, шушукаются. Но я служанка, и мне не хочется с ними сближаться. Хотя, кажется, пару раз я слышала, как они поминали какого-то наследного князя.

Впервые слово «наследный князь» отозвалось в сердце Синхэ странным трепетом. Прежде для него и «наследный князь», и «маркиз» были не более чем титулами, которыми изъяснялись слуги; как бы они ни звали его, он оставался лишь сыном Лэн Ши Чуншаня. Его мир ограничивался отцом и матерью. Дальних родственников в императорском дворце он и в лицо-то толком не помнил.

Заметив его состояние, Хунсин вдруг присела на корточки, подавшись вперед и широко распахнув глаза:

— Какой же вы храбрый. На вашем месте я бы уже со страху умерла.

Синхэ поморщился, вновь вспомнив то жуткое, оскаленное лицо и мучительную смерть двух слуг. Брызнувший на пол багровый цвет и потускневшие, высохшие в мгновение ока глаза. Синхэ бессознательно скомкал простыню и выдавил из себя натянутую улыбку:

— Я же говорил: я не ребенок.

— Верно. Ты не ребенок, — раздался у дверей голос незнакомого мужчины.

Хунсин торопливо поднялась и оглянулась. У порога стояли герцог и еще один рослый мужчина в духовном сане. На нем было черное парадное облачение и наброшенная на плечи лунная накидка — знак высокого положения: по черному бархату были вышиты белая полная луна и синие с фиолетовыми серпы. Это была мантия господина жреца. Синхэ присмотрелся к его лицу: те же густые брови и тонкие губы, что у мага Цю Туна. Должно быть, это и был старший брат Цю Туна, жрец Юйтун Сяньюнь.

Увидев, что Синхэ очнулся, герцог держался подчеркнуто спокойно — словно сын просто переспал положенное время, и его пробуждение не стоило ни радости, ни удивления. Он пожал плечами, обращаясь к Юйтуну:

— Я же говорил: у него отменное здоровье. Скоро встанет на ноги. Нет никакой нужды заменять его из-за такой мелочи. Завтра я отправлюсь к Его Величеству Императору, он непременно разрешит Синхэ поселиться в Башне Премьер-министра. Тогда нянька сможет приходить прямо туда и обучать его всем необходимым манерам. А когда у него появится база, он сможет сразу отправиться во Дворец Восходящего Солнца.

Жрец подошел, остановился у изголовья кровати Синхэ и суровым взглядом впился в его глаза:

— Здравствуй. Желаю тебе скорейшего выздоровления.

Синхэ попытался приподняться, но руки, словно увязшие в ворохе ваты, совершенно не слушались. Украдкой бросив взгляд на герцога, он увидел, что тот смотрит на него прямо и немигающе, точно старьевщик, оценивающий древнюю вещицу, — по лицу нельзя было прочесть никаких эмоций. Синхэ оставил тщетные попытки и с тем же выражением посмотрел на жреца:

— Благодарю за заботу, господин. Но я совершенно здоров. Просто несколько дней голодал, вот и ослаб. Поем, посплю — и силы вернуться.

Мысль о том, что ему предстоит прислуживать за вином, по-прежнему вызывала в нем глухое раздражение и непонимание. Однако оценивающий взгляд жреца внезапно заставил его испытать смесь стыда и досады. Он вдруг подумал о том, как жалок его отец: великий герцог, премьер-министр империи, чтобы пристроить собственного сына виночерпием к принцу, вынужден вымаливать поддержку у храмового жреца!

Жрец несколько удивился словам мальчика, с минуту внимательно разглядывал его, а затем кивнул премьер-министру:

— Он действительно лицом похож на Высочество Мэнмэна.

Премьер-министр прочистил горло:

— Да. Они двоюродные братья, неудивительно, что есть сходство.

Юйтун улыбнулся и кивнул Синхэ:

— Я испрошу разрешения у князя Чанье. Думаю, он не откажет поселить маркиза в Башне Премьер-министра.

Герцог ничего не ответил, но по тому, как он перевел дыхание, Синхэ понял, что отец почувствовал облегчение.

Тот коротко кивнул сыну и повернулся, приглашая жреца пройти в кабинет — и это посреди ночи! Казалось, для них не существовало границ между днем и ночью. Оба вышли плечом к плечу. Герцог что-то увлеченно рассказывал о ремонтных работах в храме, а жрец слушал со всей серьезностью. За всё это время герцог не обмолвился с Синхэ ни единым словом. Казалось, во всем мире для него существовала лишь одна неотложная задача — сделать Синхэ виночерпием.

Когда они скрылись, Синхэ чуть отодвинулся назад, устраиваясь поудобнее. Повернув голову, он увидел, что Хунсин уже собрала поднос и продемонстрировала ему ряд белоснежных зубов:

— Вам по-прежнему нужен отдых.

С этими словами она подхватила поднос и удалилась. Уходя, она держалась точь-в-точь как герцог Чуншань — даже закрывая дверь, не обернулась.

Синхэ бросил взгляд на сотворенную из бисквита собачку на тумбочке, после чего уставился в потолок. По четырем углам потолка красовались гипсовые статуэтки Посланников Звездного Света. Пухлые, трехлетние на вид малютки с пухлыми плечиками обладали тремя парами пушистых крыльев. В ручках каждый держал тоненький волшебный жезл. Это напомнило Синхэ сказку, которую рассказывала тетушка: как ночные лунные эльфы взмахивали жезлами Лунной Богини, прогоняя из лесов свирепые племена троллей.

Тетушка была вдовствующей императрицей империи и некогда страсть как любила устраивать балы. Сама она к танцам оставалась равнодушна, но больше всего на свете обожала рассказывать сказки облепившим ее принцам и принцессам. Синхэ дважды бывал там вместе с герцогиней. Она знакомила его с тремя принцами и принцессами, но Синхэ не запомнил никого из них — в памяти застряли лишь те страшные истории, что поведала тетушка. Впрочем, с тех пор как Ваше Величество захморал, а княз Чанье стал Регентом, балы больше не проводились.

Синхэ напряг память, но образ Мэнмэна расплывался в тумане. Он никак не мог вспомнить, как выглядит этот принц. Но как бы тот ни выглядел, теперь ему придется прислуживать за вином этому двоюродному братцу! От этих мыслей Синхэ становилось всё тоскливее и злее; и когда в нем уже закипало яростное негодование, у окна вдруг раздался крайне тихий и мягкий голос:

— Дитя. Страх лишает человека веры, а гнев — рассудка.

Синхэ вздрогнул, резко повернулся, но у окна никого не было. Лишь серая тень падала снаружи, причудливо извиваясь на полу. Свет свечей рвал ее на клочья, так что разобрать

очертания было невозможно.

— Кто ты?

— А кем бы ты хотел меня видеть?

Голос был настолько ласковым, что Синхэ почувствовал необыкновенный прилив тепла. Незнакомый и в то же время неуловимо родной, он внушал странное, беспричинное доверие среди всеобщего замешательства.

— Я не знаю.

Слушая этот голос, Синхэ вдруг вздохнул. Интонации напоминали ему дедушку! Хотя на самом деле Синхэ никогда в жизни не видел своего деда — тот умер еще до его рождения. Голос словно обладал скрытой магией: стоило Синхэ заговорить с ним, как слабые, беспомощные руки понемногу обретали силу. Он медленно приподнялся на постели. Подняв глаза к окну, из своего положения на кровати он не видел ничего, кроме прямоугольника ночного неба за стеклом.

Но это же невероятно! Синхэ прекрасно знал, что творится за окном. Если только обладатель голоса не парил в воздухе, отбрасывать тень с улицы было просто невозможно!

— Ты призрак? — поколебавшись, спросил Синхэ. — Почему я тебя не вижу?

— А если я призрак, ты испугаешься?

— Не знаю, — замялся Синхэ. — Наверное, нет. Трудно сказать.

Он машинально оглянулся на мучную собачку у изголовья:

— Но ты ведь не призрак, правда? Тетушка говорила, что призраков на свете не бывает.

Набравшись храбрости, Синхэ сбросил одеяло, осторожно соскользнул с кровати, сунул ноги в туфли и двинулся к окну:

— Богиня Небес забирает добрых людей в Город в Небесах, а злых погружает в пучины Мира Преисподней. В мире людей нет призраков.

Синхэ резко высунулся вперед, всматриваясь в темноту за окном. Снаружи расстилось пустое ночное небо, усыпанное россыпью мелких звезд. Все три луны прятались за клочьями тусклых туч, источая лишь бледное зарево. Синхэ ошеломленно опустил взгляд: уродливая серая тень на полу бесследно исчезла.

— Ты ищешь меня?

Голос раздался уже от другого окна, с противоположной стороны комнаты.

— Дитя, ты еще не готов со мной встретиться.

— К чему мне готовиться? — Синхэ ощутил укол досады; поняв, что этот голос намеренно

избегает его, он почувствовал себя покинутым. — Думаю, я бы не испугался. Даже если ты призрак... Полагаю, ты добрый призрак.

— Тебе нужно подготовить свое сердце.

Голос словно отдалялся, звуча всё тише и тише:

— Дитя, я всегда буду рядом с тобой.

— Я больше не ребенок! — Синхэ вдруг охватила такая острая тоска, что глаза мгновенно застилала непрошенные слезы.

Упрямо задрав подбородок, чтобы влага не скатилась по щекам, он твердо произнес:

— Я — Наследный князь Синхэ Чуншань. Я знаю, почему тот негодяй хотел меня убить. Я вечно буду изнывать от жажды, пока не напьюсь крови врагов; я вечно буду голоден, пока не растерзаю их плоть. Я не сомкну глаз, пока не засну на их отрубленных головах; и не согреюсь, пока не облачусь в одежды из их содранной кожи.

<http://bllate.org/book/21187/2145314>